

Раздел I

ПОСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

*...Из мрака вышел разум мудреца
И в горней высоте - без страха и усилья -
Мерцательных идей ему взыграли крылья.
А. Блок*

С конца 1980-х годов реальные процессы в Советском Союзе стали развиваться по логике, которая не могла быть объяснена в рамках господствовавшей в то время в СССР социально-экономической теории¹. Проявилась практическая неадекватность методологических концепций, базировавшихся на положениях политической экономии социализма, и теории развитого социализма. Ситуация усугублялась тем, что наша страна гораздо позже многих развитых государств оказалась информационно включенной в процессы глобализации и плодотворного широкого научно-технического обмена. Это не содействовало обогащению методологии российской экономической науки за счет достижений мирового уровня, сдерживало развитие нового понятийного аппарата для анализа происходящих в нашем обществе процессов. Наконец, отмеченное многими исследователями недостаточное обновление научных кадров накануне перестройки, "закрытость и кастовость" академических учреждений, слабый приток молодежи в науку отрицательно сказались на развитии научной методологии, послужили тормозом для появления новых идей и подлинных научных открытий. В результате, в 1980-90-е годы фундаментальные теоретические исследования в отечественной экономической науке оказались в кризисном состоянии.

В то же время кризис, как это часто бывает, оказал и благотворное влияние, расчистив место новому. "На пепелище" прежней экономической методологии под воздействием свежих веяний и идеологической свободы стали формироваться оригинальные аналитиче-

¹ Справедливости ради следует заметить, что экономические теории других направлений того времени, в том числе ортодоксальные методологические схемы мэйн-стрима, советологические концепции и т.д., также не позволили спрогнозировать реальный ход событий в переходных экономиках.

ские схемы, внедряться заимствуемые из мировой науки образцы. Эту ситуацию можно описать приведенными в эпиграфе словами А. Блока.

В поле нашего рассмотрения мы включили наиболее интересные, на наш взгляд, "мерцательные идеи современных мудрецов", разрабатываемые в области экономического анализа. Они базируются на различных основаниях, отличаются своеобразными системами понятий и по-разному определяют содержание и перспективы современных российских реформ. В них реализуются принципиально несхожие пути конструирования и приложения социально-экономического знания

Целью обзора в данном случае служит не столько ознакомление читателей с новыми подходами, сколько дотошное их изучение на предмет того, что эти

подходы способны дать для понимания происходящих в России процессов. Наши собственные теоретические построения оправданы, если они дополняют пространство ответов на актуальные вопросы, предлагают отличный от других взгляд, задают и реализуют новый фокус анализа.

Выбор анализируемых исследовательских схем обусловлен рядом критериев. Во-первых, взяты схемы, имеющие либо ярко выраженный авторский характер и заинтересовавшие научную общественность, либо отражающие распространенный подход, имеющий значительное число последователей. Во-вторых, критерием отбора служит специфика результатов, получаемых использующими данные подходы авторами. Другими словами, палитра отобранных аналитических схем демонстрирует одновременно и разнообразие получаемых с их помощью результатов, и выводов. В-третьих, "сработал" и субъективный критерий. Представленные авторы формируют определенный круг известных друг другу профессионалов. Между нами неоднократно проходили частные и публичные дискуссии на различных семинарах и конференциях.

Это позволило уточнить и более ярко обозначить каждую из представленных схем. Тем не менее ссылки даются только на опубликованные работы наших коллег, а личные беседы послужили лишь средством уточнения оценки каждого из представленных на страницах книги подходов.

- 12 -

Глава 1

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СХЕМЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

*Свободное комбинирование деталей в новых,
запрещенных для существующей модели
культуры сочетаниях есть творчество
ЮМ. Лотман*

Одной из тенденций, характеризующих развитие современной экономической науки во всех странах, а в России - особенно, становится расширение используемых подходов за счет достижений смежных, а подчас и далеких друг от друга наук - от социологии и философии до биологии. В этой главе представлены исследовательские схемы, где такая тенденция прослеживается особенно четко. Их авторы осознанно расширяют рамки анализа хозяйственного развития России, разрабатывая новую методологию анализа с привлечением либо социально-богословских подходов (И.В. Можайскова), либо развивая культурологические традиции (А.С. Ахиезер и Н.И. Лапин), либо на основе биоэволюционных подходов с применением данных численных экспериментов (С.Ю. Глазьев и В.И. Маевский).

1.1. Метаисторический анализ цивилизаций

Этот подход предложен ученым-экономистом Ириной Владимировной Можайсковой. Результаты ее почти 10-летней работы отражены в вышедшем недавно четырехтомном труде (*Можайскова, 2001-2002*). Автор вводит в научный оборот разработанную ею схему метаисторического анализа цивилизаций, которая предлагается для

исследования закономерностей развития экономических систем. В чем суть такого подхода, и каким образом автор реализует его в конкретных исследованиях?

Основная методологическая идея И.В. Можайсковой, которая лежит в основе упомянутого труда и подготовленного на этой базе доклада "Экономический аспект метаисторического анализа цивилизаций" (Можайскова, 2003), состоит в следующем. Констатируя неудовлетворенность "возможностями современной науки в познании мира", автор предлагает осуществить синтез науки и религии, полагая возможным на этой основе сформировать адекватное миропонимание "для отражения закономерностей мирового развития". Если точнее, автор предпринимает попытку "соединить религиозные знания с конкретным историческим материалом русской исто-

- 13 -

рии многих столетий" (Там же, 2003. С. 7), а также историей других цивилизаций. Предваряя анализ данного подхода, рассмотрим сначала методологические основания автора, поскольку нерушимость методологического фундамента определяет прочность выстраиваемого на нем здания аргументов и доказательств.

Рассмотрение этого вопроса представляется тем более важным, что реализуемые в современной России свобода совести и вероисповедания содействовали активному освоению накопленного за тысячелетия богатства религиозного мировоззрения, замалчиваемого в советский период. Освоение это не может быть легким. Тем более непростым является взаимодействие религиозного и научного знаний, традиции которого практически утеряны нашим поколением. Поэтому внимательно рассмотрим попытку синтеза научного и религиозного подходов, предпринятую И.В. Можайсковой. Насколько правомерна и перспективна такая попытка, опирающаяся на труды известных представителей религиозно-философской мысли России конца XIX - середины XX века?

По нашему убеждению, наука и религия представляют собой два дополняющих друг друга, но не сливающихся способа познания мира. Они отличаются и своими целями, и качественно различными формами деятельности. Как отмечал еще наш великий соотечественник - В.И. Вернадский, происходит неизбежное и постоянно наблюдаемое "питание науки идеями и понятиями, возникшими как в области религии, так и в области философии" (Вернадский, 2002. С. 64). Но также очевидно, что, "могущественно влияя друг на друга, все эти стороны духовной жизни человечества совершенно различны по занимаемой ими области" (Там же. С. 62). Религия характеризует отношение человека к духовному, рационально непостижимому миру. Она несет в себе веру в сотворившего мир и вечно пребывающего в нем Бога, обращена к человеческой душе и направлена на ее спасение. В этом смысле религиозное учение и выражающие его пророки всех времен и народов адресуются к каждому конкретному человеку, взывая, напоминая о сопричастности каждого индивидуума Божественному началу, пробуждая в нем это начало, которое поможет ему "хорошо и праведно" жить на этой земле и спастись тем самым для жизни будущей. В основе религии всегда лежит вера, ибо религия - о непостижимом, непознаваемом, логически непроверяемом, о том, что превышает человеческого разума.

Наука, напротив, по своим целям направлена на выявление законов непосредственно наблюдаемого окружающего материального мира - мира природного и социального. Наука оперирует с реальными, фиксируемыми при помощи наблюдения и приборов, фактами, систематизирует их, выявляет закономерности, проверяя их экспериментально или исторически, использует полученные знания в интересах человечества, расширяя его возможности существовать в

- 14 -

материальной среде. "Она учит о формах материи, а не о движениях и целях духа, что составляет область религии" (*Святитель Лука* С. 44). Если религия - это попытка охватить все мироздание, то предмет науки - это лишь одна из его проекций, "схваченная" научными, эмпирически проверяемыми и логическими методами, лишь одно из средств познания Бога.² Поэтому "религия и наука - это две принципиально разные области человеческой деятельности. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы" (*Осипова* 2002. С. 179).

Возможно ли заявленное И.В. Можайской совмещение науки и религии, как они смыкаются? На наш взгляд, их сосуществование, конечно же, имеет место, и это место - в сознании, в душе конкретного человека. Ученый, занимаясь тем, что предназначено ему в жизни, может получить сигнал - интуицию, догадку, гипотезу из высших, Божественных сфер, и развивать их как научное знание, используя характерные для науки способы деятельности, аргументы, доказательства и эксперименты. Вера дополняет науку через постижения, ощущаемые верующим ученым как откровения, через его стремление как можно лучше и честнее выполнить свое дело реализуя "Божий промысел". "И тогда мы видим, что религия не противоречит науке, но религия движет науку. ...Самые качества упорного исследования - самоотверженный труд, вера в конечный результат, смирение - является более всего продуктами религии" (*Святитель Лука*. С. 60-61). Вера очищает человека, облегчает путь к пониманию сложностей мира, наталкивая его на "открытия", которые, по сути, являются следствием смиренного восприятия Божественного порядка.³ Такое смирение позволяет элиминировать; влияние "человеческой самости", стоящей препятствием между человеком и миром. И услышать, почувствовать, "открыть" его законы. В свою очередь, религиозные деятели, как и выдающиеся святые, владея современными научными данными, могут использовать, их в "междисциплинарном диалоге" с учеными, содействуя налаживанию контактов и взаимопониманию между представителями духовной сферы. Что же касается совмещения религиозного и научного способов познания в единой методологической процедуре, в общей теории, то, на наш взгляд, это вряд ли возможно. Принципиальная несоединимость научного и религиозного способов познания будет являться непреодолимым препятствием для построения операциональных процедур, в русле методологий, ориентированных на достижение такого "синтеза".

2. "Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы..." (*Библия, Рим. 1, 20*).

3. Применительно к нашим коллегам из поэтического цеха эту мысль точно выразил А.С. Пушкин в стихотворении "Пророк".

Последуем за автором и проверим наши предположения, попытаюсь следовать логике И.В. Можайской. "Метаисторический анализ", как это можно понять по тексту книг (возможно, наше понимание неполно), означает, что для выявления закономерностей развития той или иной страны, во-первых, необходимо отнести ее к определенной цивилизации (поскольку цивилизации различаются содержанием свойственной им "метаисторической идеи"), и, во-вторых, определить сущность этой идеи.

Что такое метаисторическая идея? Автор пишет, что "основой метаисторической идеи является религиозная задача, состоящая в выработке ценностного отношения к миру и целям человеческого бытия..." (Можайскова, 2001-2002. Т. 1. С. 342). Другими словами, определяющим фактором метаисторической идеи является характерная для общества религия, которая создает структуру ценностей и определяет "трансцендентный уровень конечных ориентации общества" (Там же). Впрочем, далее И.В. Можайскова пишет, что такого - лишь с опорой на религию - понимания недостаточно, что "метаисторическая идея выражена и в ценностях религиозного спасения, и в направлениях духовной интеграции разных народов и этнических групп, и в формах взаимосвязи духовной и социальной структуры (включая характер политической власти, государственности), и в характере светской культуры, основных ее видах, формах, и в динамике цивилизационных структур..." (Там же. С. 351).

Это определение метаисторической идеи - одно из наиболее четких и кратких. Приводимые далее разъяснения этого понятия, основанные на понимании термина "миф" Д. Андреевым (в частности, в его "Розе мира"), уже практически не поддаются возможной научной операционализации в привычном ее понимании. В результате, сама же И.В. Можайскова, приступая к анализу "метаисторической идеи" в развитии цивилизаций, замечает, что "речь идет о явлениях, которые не поддаются скальпелю рационального препарирования", поэтому "в их освещении мы будем опираться на художественно-образное восприятие духовного мира религиозными писателями или социологами" (Там же. С. 355). Таким образом, автор, стремившаяся соединить "новые методологические подходы к пониманию смысла истории, которые появились только в XX в. (цивилизационная школа, школа "Анналов)", с теми наработками, которые обозначились в русской религиозно-философской и мистической литературе" (Там же. Т. 4. С. 597), тем не менее вынуждена констатировать, что такой подход "требует художественно-поэтических форм для своего выражения" (Там же. С. 595). По нашему мнению, этим ставится преграда дальнейшей формализации метаисторического анализа цивилизаций, а, следовательно, и использованию данного подхода другими исследователями. Он становится авторской

точкой зрения, персональной метафорой, методически нерасчленимым образом.

Отмеченные ограничения сдерживают применение заявленного подхода и в исследованиях самой Можайской. Неслучайно при

переходе к анализу конкретных экономических проблем - а именно этот вопрос представляется наиболее интересным для целей нашего анализа - автор опирается преимущественно на понятия и результаты других известных научных подходов, и, прежде всего, формационного. А для обоснования нового социально-экономического курса современной России И. В. Можайскова предлагает взять за основу, во-первых, экономическую политику Ф. Рузвельта, во-вторых, опыт таких стран, как Япония, Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Саудовская Аравия, Оман, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Чили, КНР, Уганда, Таиланд и Малайзия (*Там же*. С. 550-552). Хотя ранее автор доказывала, что метаисторическая идея, характерная только для России, и именно она может обеспечить социально-экономическое развитие нашей страны.

Несмотря на отмеченные проблемы, важность поставленных И.В. Можайской вопросов представляет научный интерес. Во-первых, ее исследование отражает современную тенденцию российского обществоведения поиска научного знания "за пределами предмета" традиционной экономической науки. Это выражается в распространении междисциплинарных исследований и надеждах на их результативность, в сотрудничестве ученых разного профиля - как внутри обществоведения, так и в контактах представителей естественных и социальных наук. Анализ работ Можайской показывает, насколько нелегки эти попытки, как трудно прогнозировать здесь получение новых результатов.

Во-вторых, сегодня "маятник" религиозности от полного ее отрицания качнулся, как представляется, в сторону "сверхмассового" распространения. Как отражается это в делах и мыслях, помогает ли продвижению в научной деятельности? Или мы, как неофиты, смело взялись за эти тончайшие и глубокие материи, прямолинейно внедряя их как "новые технологии"? Проявление и анализ использования персонального духовного опыта в научной деятельности представляется поэтому очень важным.

И, в-третьих, - работа Можайской, как в зеркале, отражает титанические усилия ученых, особенно старшего поколения, вырваться из тисков идеологии советского периода, которая представляется им сегодня узкой, навязанной, неадекватной. Демонстрируемые в труде И.В. Можайской попытки поиска новых методологических оснований - один из необходимых этапов такого пути.

- 17 -

1.2. Социокультурный подход

Российская экономическая наука с момента своего зарождения в силу своей специфики (подробнее речь об этом будет идти в Главе 12) всегда занималась не только анализом чисто хозяйственных отношений и "экономической бухгалтерией", но, являлась, скорее, разделом обществоведения, широко очерчивала свой предмет. Известно, что эти традиции сохранились и в советский период; наша политическая экономия социализма была одновременно и экономической теорией, и философией, и идеологией, поскольку объектом ее изучения являлась не только экономическая сфера, но все советское общество. В период перестройки продолжала действовать та же тенденция. Более того, она даже усилилась, поскольку занявшие место политической экономии социализма зарубежные экономические теории не позволяли адекватно

описать наблюдаемые в стране явления. Ключ к объяснению неожиданных последствий, а также возникающих препятствий рыночному реформированию многие ученые начали искать в специфике российского общества в целом, что предопределило распространение, вслед за цивилизационным, более тонкого, социокультурного подхода к анализу российского общества. В среде экономистов, неудовлетворенных объяснительными возможностями существующих экономических теорий, цивилизационные, социокультурные особенности России все чаще стали рассматриваться в качестве основного фактора, объясняющего неожиданный ход и неудачи проводимых российских реформ. Эту точку зрения последовательно развивает в своих работах Леонид Иванович Абалкин (*Абалкин, 2001, 2002*), эту же тему поднимают в своих книгах Дмитрий Евгеньевич Сорокин (*Сорокин, 2003*), Юрий Николаевич Яковец (*Яковец, 2003*) и многие другие.

Для того чтобы глубже разобраться в том, насколько полученные на основе социокультурного подхода результаты применимы для анализа экономической ситуации, обратимся к работам, в которых социокультурный подход разработан и реализован на уровне конкретных исследовательских схем. На наш взгляд, наиболее последовательно и четко он представлен в трудах наших современников - Александра Самуиловича Ахиезера и Николая Ивановича Лапина. Отметим, что правомерность отнесения работ названных авторов к социокультурному подходу подтверждается тем, что сами они идентифицируют свои исследования с этим направлением.

Социокультурный подход стал сегодня популярным в российском обществоведении. При этом, как справедливо замечает Ж.Т. Тощенко, злоупотребление понятием "социокультурный" зачастую приводит к стиранию граней "между научным знанием и любым нарративом, то есть социокультурным разговором об обществе" (*Тощенко, 2002. С. 4*). Это ставит вопрос, замечает он, о потере

- 18 -

критериев научности, когда понятием "социокультурный" подменяется все многообразие происходящих в обществе процессов. На этом фоне работы А.С. Ахиезера и Н.И. Лапина выделяются своей строгостью определений исходных методологических предпосылок и тщательностью обоснования используемых понятий, что допускает их рассмотрение в качестве образцов применения социокультурного подхода.

Используемый социокультурный подход имеет ряд особенностей, определяющих целесообразность и границы его применения для анализа проблем трансформации в России. С одной стороны, специфической его чертой является определенный универсализм, позволяющий обозреть и культурные, и политические, и хозяйственные, и прочие элементы общественного целого (*Ахиезер, 1997.1 С. 32*). Одновременно сущность социокультурного подхода, по определению Лапина, состоит в рассмотрении общества как единства культуры и социальности (*Лапин, 2000в. С. 24*). Согласно его определениям, под культурой в данном случае понимается совокупность способов и результатов деятельности человека, в том числе идем ценности, нормы, образцы, а под социальностью - совокупность взаимоотношений социальных субъектов.

Кроме того, специфика социокультурного подхода состоит в том, что он имеет многомерный характер, объединяя в единое целое, например, цивилизационный и формационный подходы (Там же. С. 25), или же историософское и социологическое рассмотрение общества (Ахиезер, 1997. С. 32). Это позволяет, как отмечают сами представители социокультурного подхода, принимать во внимание "всю сложность и реалистическое многоцветье палитры социальной жизни" (Лапин, 2000в. С. 18), исследовать российское общество как противоречивое единство, "содержащее сложные напряжения отношения личности, групп и общества во всех возможных их комбинациях и взаимосвязях" (Ахиезер. С. 32).

При социокультурном подходе в центре внимания исследователя находятся человек активный (*homo activus*), являющийся многомерным био-социо-культурным существом и субъектом действия (Лапин, 2000в. С. 27), а также его нравственность и ценности, составляющие основание любой культуры (Ахиезер. С. 32). Тем самым предпринимается попытка выявить сущностные ценностные и этические характеристики социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом, поскольку культура, как справедливо замечают сторонники данного подхода, пронизывает все без исключения состояния социально-экономической жизни. При этом авторы концентрируются на рассмотрении прежде всего основополагающих ценностей социальных групп, наиболее значимых для характеристики социокультурного типа общества. Другими словами, здесь обязательно присутствует сопоставительный анализ изучаемых цен-

- 19 -

ностей социальных групп, с одной стороны, и социокультурных характеристик общественного целого - с другой. Доминирующие ценности выступают, таким образом, основными регуляторами, причинами, мотивами массовых действий и поведения, в том числе и в экономической сфере, именно они определяют в конечном счете траектории и результаты хозяйственного развития.

Социокультурный подход оперирует с определенной моделью общества, которое понимается как социокультурная система, возникающая и изменяющаяся в результате действий и взаимодействий людей. Лапин выделяет два возможных типа общества. Первый тип - общества с господством *традиционалистских ценностей*, в которых существует приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями инновационных действий. Другой тип образуют общества, в которых приоритет отдается *либеральным ценностям*, или свободам и ответственности людей, возможностям для целерациональных инновационных действий. Основная исследовательская задача состоит том, чтобы определить, какой тип антропосоциетального соответствия характеризует российское общество и в каком направлении оно может трансформироваться.

Несколько иная модель общества представлена в исследованиях Ахиезера. Он доказывает объективное существование в российском обществе двух разнонаправленных процессов и соответствующих им двух социокультурных идеалов: первый - в среде интеллигенции и духовной элиты общества, второй - в глубине народной жизни, в

деятельности миллионов, внутри самого социума. Основной объект анализа при этом - раскол целостности, выражающийся в борьбе этих противоположных идеалов - вечевого (соборного, "либерального") и авторитарного (абсолютистского, тоталитарного). Раскол между ними обуславливает, по Ахиезеру, невозможность медиации, но задает циклическое инверсионное развитие. В ходе каждого исторического цикла осуществляется переход от одной крайней точки инверсии - от вечевого идеала к авторитаризму - и обратно. Развитие представляет собой поиск постоянного компромисса между этими полюсами, более удачный - в период развития страны - и менее удачный - в период катастроф. Именно расколу, по мнению Ахиезера, принадлежит главная роль в возникновении общественных и экономических кризисов.

При этом основное содержание конфликта - "конфликт двух типов конструктивной напряженности - локального и общества в целом" (Ахиезер, 1997. С. 125), внутреннее противоречие между локализмом и государственностью, конфликтом частей общества между собой и государством как целым. Следуя методологии социокультурного анализа, преодоление раскола, как полагает Ахиезер, должно быть достигнуто в культуре, в экономической теории, в нарастании рефлекс-

- 20 -

сии истории, ибо раскол - это состояние общественного и научного сознания, неспособного осмыслить целостность понимаемого, в данном случае - истории России.

Несмотря на некоторые различия в исходной модели общества, которую разрабатывают Лапин и Ахиезер, развиваемые ими подходы к изучению российской хозяйственной истории и современности весьма схожи. Особенно ярко это проявляется при сопоставлении результатов: полученные независимо друг от друга (в приводимых ими списках литературы отсутствуют соответствующие ссылки), эти результаты в целом совпадают. На основе анализа отечественной истории и Лапин, и Ахиезер относят Россию к традиционалистскому обществу, в котором все время не удавалось осуществить глубокую и необходимую либеральную модернизацию. Поэтому Россия понимается как "расколотое общество" (Ахиезер) или "кризисный социум" (Лапин), в котором наблюдается застойное противоречие между культурой и характером социальных отношений, когда блокируются механизмы общественного развития (Лапин, 2000в. С. 96-97).

Тормозом в данном случае, как полагает Лапин, выступает сам творец истории - *homo activus*, в сознании которого доминируют традиционалистские ценности, что порождает устойчивость тоталитарных структур, отчуждение человека от участия в общественной жизни, низкую инновационную активность и т.п. По Ахиезеру, таким тормозом является раскол в общественном сознании, блокирующий переход общества к состоянию более эффективного воспроизводства и выживания. Таким образом, авторы сходятся не только в диагностике типа общества, но и в определении пределов экономических преобразований, к которым они относят ценностные ограничения общественного сознания и недостаточную распространенность либеральных инновационных ценностей.

Использование социокультурного подхода дает нам новую размерность в анализе социально-экономических трансформаций, выявляя дополнительный культурный пласт хозяйственного развития. В

применении к анализу России социокультурный подход акцентирует общественное внимание на глубинных исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структурах, задающих объективные границы для трансформации российского общества, выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить отклонения реального хода реформ от задуманных планов, объясняя многообразие проявлений магистральных социально-экономических процессов в различном культурно-историческом контексте. В то же время нельзя не отметить некоторые спорные моменты в его исходных посылах, которые могут выступать ограничениями в применении социокультурного подхода к анализу изменений в российском обществе.

- 21 -

О чем именно идет речь? С одной стороны, авторы декларируют примат ценностей и нравственных идеалов в формировании социокультурного типа общества и их созидательную роль в общественном развитии. Исходя из этой посылки, естественно предположить, что распространение соответствующих ценностей является необходимым условием формирования соответствующего типа общества. Но, с другой стороны, относя Россию к традиционалистскому обществу, в котором закрыты пути инноваций и не приживаются либеральные ценности, авторы тем самым косвенно признают, что в нашей стране ценности не являются "главной движущей силой", раз именно они не позволяют обществу трансформироваться в необходимом либеральном направлении. Другими словами, сама методология анализа, ставящая *роль ценностей в социальных изменениях* "во главу угла", а затем определяющая один из типов этих ценностей как "тормоз общественного развития", логически противоречива. И поэтому дихотомическое деление обществ на традиционалистские и либеральные содержит в себе латентное утверждение об их способности или неспособности к развитию. Ибо как могут измениться ценности индивидов, если они представляют собой элемент культурной системы (в этом суть социокультурного подхода) с уже заданными исследователями характеристиками?

Анализ исследовательских схем, наиболее четко реализующих идеи социокультурного подхода, позволяет следующим образом охарактеризовать его преимущества и ограничения, а также возможности для рассмотрения путей и перспектив реформирования современной России. С одной стороны, такой подход воссоздает представление об обществе как о сложном социокультурном объекте, выявляя исторически накапливаемые социально-культурные программы деятельности, поведения и общения людей, обеспечивающих передачу социального опыта от поколения к поколению. Он позволяет определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в каждом обществе, его социетальную природу, которые обуславливают притяжение тех или иных культурных образцов, экономических доктрин и хозяйственных механизмов. При социокультурном подходе в центре внимания находится взаимодействие типа-личности и типа-общества, и характер этого взаимодействия рассматривается как одно из определяющих направлений социальных изменений, в том числе - и в экономике. С другой стороны, разделение общественных ценностей на "позитивные

либеральные" и "негативные традиционные" создает в данном подходе замкнутый логический круг и предопределяет результаты исследования социальных изменений. Само отнесение российского общества к типу с доминированием традиционных ценностей означает, что изменения в нем, по сути, невозможны или чрезвычайно затруднены.

- 22 -

Названные ограничения социокультурного подхода, базирующегося на принятых ценностных основаниях, проявляются в последних работах анализируемых авторов, относящихся к 2003-2004 гг. В этот период в российском обществе стали явными произошедшие сдвиги и модернизация как массового сознания, так и реального экономического поведения. Эти изменения были зафиксированы и в работах Н.И. Лапина (*Лапин, 2003*), и в работах А.С. Ахиезера (*Ахиезер, 2004*). Но для их объяснения, а, тем более, для прогноза развития ситуации, авторам пришлось включить в рассмотрение факторы, находившиеся ранее вне сферы развиваемого ими социокультурного подхода. Такими факторами стали общественные институты.

В работе 2003 г. Н.И. Лапин, фиксируя произошедшую социетальную трансформацию общества и начало институционализации нового социального порядка, затрудняется в определении последнего. По его мнению, характер такого порядка, наряду с возникшей новой системой ценностей, будет определяться тем, какими способами и темпами произойдет институционализация этого порядка. Поэтому ключевой вывод, который делает Н.И. Лапин, заключается в том, что важно сосредоточить внимание на изучении процессов институционализации новых структур и отношений в российском обществе" (*Лапин, 2003. С. 370*).

В свою очередь, А.С. Ахиезер также ставит новую для себя задачу "изучения общества как процесса развития институтов диалога⁴ и противостояния этим процессам" (*Ахиезер, 2004*). На основе проведенного анализа автор констатирует, что "Смысл постсоветского общества, по крайней мере в первом приближении, раскрывается в попытке культурно и организационно воплотить идею демократического диалога, диалогизации общества не только, как средства решения все более сложных проблем, но и как сущности изменения общества" (*Там же*). Средствами этого, по мнению автора, являются развитие либерального движения в стране, становление соответствующих организационных форм и отношений. Другими словами, для описания наблюдаемого процесса А.С. Ахиезер также вы-

4. При этом отметим, что понятие института трактуется А.С. Ахиезером как определенный культурный образец, закрепляющийся в массовом сознании и поведении. В данном случае речь идет о социокультурной двойственности, *расколе* (введенное А.С. Ахиезером понятие для определения специфики российской культуры). Эта двойственность выражается, по мнению автора, в категориях диалогизации (демократические элементы) и монологизации (при монархической власти) института управления. Таким образом, имеет место применение социокультурного подхода, его понятийного аппарата и категорий для изучения одного из общественных институтов - государственного управления. Это подтверждает, на наш взгляд, предположение об относительной автономности социокультурного и институционального подходов, отмеченное нами ранее (*Кирдина, 2002*).

- 23 -

нужден прибегнуть к характеристикам институциональных форм объясняющим факторам, не ограничиваясь свойствами системы ценностей российского населения.

Подводя баланс преимуществ и ограничений рассмотренного социокультурного подхода, можно отметить, что использование его социальных и экономических исследованиях весьма плодотворно, поскольку ориентирует нас на поиск и выявление устойчивых механизмов общественного воспроизводства. Тем самым становится возможным оценить перспективы проводимых экономических преобразований, соотнося конкретные мероприятия и реформы со сложившимся "социокультурным генотипом" той или иной страны.

1.3. Приложение эволюционных идей (эволюционная экономика)

Эволюционная экономика является относительно новым научным направлением, которое фиксируется как самостоятельный подход с 1980-90-х годов. Ее научные основы разрабатывали, как считают многие исследователи, еще Т. Веблен и Й. Шумпетер, но лишь в последние три десятилетия появились обширная литература, специализированные журналы, ассоциации и исследовательские центры, реализующие данный подход (Маевский, 1997. С. 3). Эволюционная экономика представляет собой приложение идей эволюции (изначально разрабатывавшихся в философии - Г. Спенсером и в биологии - Ч. Дарвином) к анализу экономических процессов.

Как известно, дарвиновская теория эволюции опирается на три принципа: наследственность, изменчивость и естественный отбор. И любая наука, воспринимающая эти принципы - в данном случае объектом анализа выступает эволюционная экономика, - должна ответить на вопросы: каковы механизмы наследования и изменчивости, механизмы и критерии отбора (Нестеренко, 2002. С. 81).

Вот как описывал "наследственность" в рыночной экономической системе Й. Шумпетер: "...в той мере, в какой речь идет о рыночном хозяйстве, для основ теории не имеет никакого значения, что представляет собой данное рыночное хозяйство: систему самого примитивного обмена между охотниками и рыбаками или сложный организм, который мы можем наблюдать сегодня. Основные черты, контуры полностью одни и те же, и здесь ничего не меняет Даже то обстоятельство, как ведутся народнохозяйственные расчеты: при помощи денег или без них.... Как бы значительно современное хозяйство ни отличалось от примитивного, по существу, как в одном, так и в другом, происходит одно и то же" (Шумпетер, 1982. С. 129). Это "одно и то же" стремится обнаружить эволюционная теория, она пытается вскрыть механизмы, "передаваемые по на-

следству" структуры, которые посредством лишь своего собственного функционирования и без помощи внешних факторов превращают данное состояние общества в последующее. Таким образом, эволюционный подход рассматривает экономику с позиций воспроизводства структуры, он постулирует, что исторические траектории закономерны, "вписаны" во внутренние механизмы

наподобие того, как программа биологического развития организма вписана в его генетический код.

Одновременно эволюционисты заняты выяснением не только того, чтоб воспроизводится, но и того, что, а, главное, почему, меняется в экономической системе. Поэтому в их работах постоянно присутствуют два противоречащих друг другу, на первый взгляд, акцента. С одной стороны, отмеченный уже поиск устойчивых структур, обладающих свойством "непрерывности" (наследственности), самоподдерживающихся и самовоспроизводящихся подобно биологическому гену. Поэтому одной из основных предпосылок эволюционной экономики является признание того факта, что каждое состояние траектории экономического развития определяется не решением статической проблемы достижения экономического равновесия, а всей предшествующей эволюцией хозяйствующих субъектов. При этом введенный Нельсоном и Уинтером термин "эволюционная" подчеркивает базовую идею этого направления - идею экономического "естественного отбора" (Нельсон, Уинтер, 2000. С. 26).

С другой стороны, помимо признания "наследования" признаков 'эволюционной экономической теории свойственна и еще одна установка, а именно, констатация своевременной изменчивости экономических признаков под воздействием неблагоприятной обстановки (Там же. С. 27), вплоть до мутаций и случайных траекторий. Так, в более ранних своих работах Нельсон полагал, что именно признание принципа случайности является ключевым признаком любой эволюционной теории (Nelson, 1995. P. 63), отличающей ее от всех других экономических теорий, исходящих из принципов детерминированности экономических процессов и явлений. Таким образом, эволюционная теория обращает внимание на изучение возможных неравновесных процессов, что кардинально отличает ее от ортодоксальной теории с ее общесистемными принципами равновесия (Маевский, 2003. С. 9).

На наш взгляд, эволюционная экономика представляет собой одно из наиболее интересных направлений экономических исследований, в рамках которого российскими учеными осмысляются теоретические основы нынешней политики и направления экономических реформ (подробнее об этом см.: Кирдина, 2003б). Рассмотрим наиболее проработанные исследовательские схемы, реализующие эволюционный подход. Они представлены в теории долгосрочного технико-экономического развития Сергея Юрьевича Глазьева

- 25 -

(Глазьев, 1993) и в эволюционной макроэкономике Владимира Ивановича Маевского (Маевский, 1997).

Если в зарубежных исследованиях эволюционный подход наиболее успешно применяется в микроэкономике, но не получил адекватного распространения в рамках анализа макроэкономических процессов, то в российском обществоведении ситуация иная. Рассматриваемые нами исследовательские схемы, реализующие идеи эволюционной экономики, направлены именно на изучение целостной картины макроуровня экономики как эволюционно развивающейся системы. В этом случае макроуровень понимается как система отраслей (подотраслей или макроотраслей), скомпонованных либо в технологические уклады (в теории Глазьева), либо во множество

макроэкономических подсистем, или макрогенераций (у Маевского). При этом состав макроотраслей (сельское хозяйство, добывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, строительство, транспорт, связь, финансы и т.д.) остается одним и тем же, хотя внутри каждой отрасли с течением времени происходит смена технологий и видов отраслевой продукции. Как пишет В.И. Маевский, "неизменный состав макроотраслей можно рассматривать как своеобразный *генотип* макроуровня, который должен быть свойственен каждой макрогенерации и который она должна передавать "по наследству" новым поколениям макрогенераций" (Маевский, 1997. С. 20). Ранее все макроотрасли находились на более низких стадиях технического и технологического развития, что на языке эволюционного подхода означает: реализация присущих им генотипических возможностей была более примитивной, нежели сейчас. По мере развития степень их сложности необратимо нарастает, что и составляет содержание эволюционного развития экономики. "Одна и та же отрасль может существовать веками, в то время как набор составляющих ее технологических процессов радикально меняется", - пишет С.Ю. Глазьев (Глазьев, 1993. С. 55), и динамику этого процесса авторы рассматривают в своих теориях.

Еще раз отметим, что, принимая во внимание изменчивость, вариативность и неравновесность экономики, эволюционный подход релевантен лишь в отношении тех процессов, которые имеют внутреннюю самовоспроизводящуюся структуру. Маевский отмечает, что "представление макроуровня в эволюционном аспекте возможно в том случае, если макроуровень поддается *структуризации* (курсив наш. - С.К.) в виде набора макрогенераций, обладающих единым генотипом и участвующих в процессе экономического "естественного отбора". Вечные отрасли не только не противоречат такому представлению, но, наоборот, своим существованием они образуют важную характеристику макрогенераций, органически вписываются в эволюционный образ макроуровня" (Маевский, 1997. С. 20). Глазьев также детально рассматривает вопрос о выборе эко-

- 26 -

номической структуры, которую следует иметь в виду при изучении закономерностей технического развития экономики. В качестве ее основного элемента он выбирает "технологическую совокупность, или технологически сопряженные производства" (Глазьев. С. 57). Представление экономики как структуры технологических совокупностей обеспечивает исследователю "прозрачность" экономической системы в процессе технических измерений и возможность применения идей эволюционного подхода.

Подход обоих российских экономистов развивает идеи эволюционной теории Йозефа Алоиса Шумпетера, который рассматривал экономическое развитие как смену комбинаций, или способов соединения производственных факторов. Используя понятие макрогенерации, Маевский так описывает динамику в экономике: возникают новые макрогенерации, представляющие собой кластер новых комбинаций, что обеспечивает фазу очередного экономического подъема и прирост ВВП. Старые макрогенерации, представляющие собой кластеры соответствующих старых комбинаций, в конкурентной борьбе отдают свои средства новым макрогенерациям и постепенно

отмирают, вытесняются ими (Маевский. С. 22).

Аналогичным образом рассуждает Глазьев. Техническое развитие, согласно развиваемым им положениям, не может происходить иначе, как путем последовательной смены технологических укладов. При этом отношения между одновременно существующими технологическими укладами противоречивы: с одной стороны, материальные условия каждого формируются в результате развития предыдущего. С другой стороны, между одновременно действующими укладами происходит конкуренция за ограниченные ресурсы, в ходе которой происходит замещение устаревшего технологического уклада новым (Глазьев. С. 63). Каждый из авторов разрабатывает математическую модель и проводит численные расчеты, на основе которых иллюстрирует процесс смены макрогенераций (Маевский) и технологических укладов (Глазьев). Результаты моделирования позволяют им зафиксировать динамику распространения технических инноваций, обозначить периоды появления новых и отмирания старых макрогенераций и технологических укладов, определить некоторые закономерности этих процессов.

В контексте нашего обзора важно, как полученные Маевским и Глазьевым результаты моделирования могут быть использованы и используются авторами для анализа процесса российских реформ и теоретического обоснования оценок проводимых мероприятий. Так, Глазьев сопоставляет динамику технического прогресса в СССР и России с эталонными траекториями стран, являющихся лидерами в этой области, и определяет, на сколько лет наша страна отстает в тех или иных областях, насколько запаздывает у нас наступление новых технологических укладов (Глазьев. С. 95-150). Маев-

- 27 -

ский анализирует политику правительства страны в 1992 г. в области ценообразования и показывает, что она противоречила выявленной им схеме эволюционного развития. Эволюционная функция инфляции, обеспечивающая очистку экономического пространства от неэффективных производств, не сопровождалась одновременным созданием новых макрогенераций, поскольку правительство не выполнило необходимой для этого функции новатора. Резкое сокращение бюджетного финансирования экономики ограничило возможности создания необходимых новых макрогенераций, что привело к спаду экономики (Маевский. С. 56-57).

Не только нами, но научной общественностью отмечено, что приложение идей эволюционной экономики в исследованиях обоих авторов является плодотворным шагом в развитии методологии анализа российского хозяйства. В то же время рассмотренным схемам присущи особенности, которые ограничивают, на наш взгляд, их аналитические возможности. Это связано с тем, что макроэволюционная экономика В.И. Маевского и теория долгосрочного технико-экономического развития С.Ю. Глазьева сфокусированы преимущественно на технологической стороне экономического процесса. Институциональные и организационные связи остаются в данном случае за пределами рассмотрения, хотя авторы и констатируют необходимость учета и значимость такого рода связей. Вслед за Нельсоном и Уинтером Глазьев пишет об этом: "Рутинизированные процессы поведения хозяйствующих субъектов, включающие

используемые производственные процессы, сложившиеся процессы распределения ресурсов и процедуры принятия решений, стереотипные реакции на изменения экономического окружения, просто повторяющиеся операции, навыки и стереотипы поведения сотрудников организации и т.д. рассматриваются с точки зрения эволюционной экономики в качестве *главного предмета исследования* (курсив наш. - С.К.) и основы не только микро-, но и макроэкономической динамики. Их роль в экономическом развитии можно сравнить с ролью генов в биологической эволюции. Они не только являются внутренним свойством и основой "памяти" хозяйствующих субъектов и определяют их поведение, но и постоянно воспроизводятся, а также изменяются в ходе "естественного отбора" хозяйствующих субъектов в условиях меняющегося экономического окружения. При этом из всех возможных рутинизированных процессов поведения закрепляются только наиболее важные и полезные для выживания хозяйствующих субъектов в заданных экономических условиях" (Глазьев. С. 27).

В свою очередь В.И. Маевский, уточняя предмет своего рассмотрения - макроуровень экономики, определяет его, вслед за Б. Карлссоном и Р. Станкевицем, следующим образом: "макроэкономика рассматривается не просто как агрегат различных микро-

- 28 -

единиц, но также как сложная сеть микросвязей" (Carlsson, Stankiewicz, 1991. P. 94), возникающих в ходе межфирменных, межсекторальных, межинституциональных взаимодействий по поводу реализации инновационных процессов" (Маевский, 2003. С. 12). Тем самым он обращает внимание на необходимость учета не только технико-экономических, но и институционально-экономических (в широком смысле) параметров и процессов, хотя в своей работе их не рассматривает.

Авторы не задавались целью теоретического изучения этих процессов на макроуровне, проводя свои исследования в технико-экономической, а не в институциональной плоскости. Именно этими рамками определена возможность непосредственного приложения их результатов к российским реалиям, и сами авторы корректно на них указывают. Так, Маевский пишет, что "в настоящей работе эволюция макроразвития рассматривается применительно к рыночной экономике и остается нераскрытым вопрос о том, возможна ли аналогичная эволюция в рамках нерыночной экономики" (Маевский. С. 68). Точно также Глазьев неоднократно указывает на невозможность прямого наложения выявленных им эталонных траекторий на динамику российской экономики, подчеркивает, что эталонная траектория "ни в коей мере не может быть использована в качестве единого для всех шаблона, описывающего оптимальную траекторию технико-экономического развития" (Глазьев. С. 85), необходимо учитывать типологические особенности стран, их социально-политического устройства, истории, климата и т.д.

1.4. Резюме

Аналитические схемы, эти новые "мерцательные идеи современных мудрецов", которые мы представили в настоящей главе, объединяет

между собой то же, что роднит их с нашим подходом, который будет изложен в Главе 3. Именно поэтому они и рассмотрены в настоящей книге. Три общих черты можно отметить.

Первое - это использование идей из смежных наук, привнесение в методологию экономического анализа нетрадиционных для классической экономической науки подходов. Сегодня эти подходы находятся, скорее, на периферии массового экономического знания, разрабатываются отдельными исследователями и не имеют сложившихся школ или широкого круга последователей. Но, на наш взгляд, именно они представляют большой интерес, поскольку могут служить зародышем нового экономического мировоззрения в будущем. "Вся история науки, - писал Владимир Иванович Вернадский, - на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни,

- 29 -

тысячи исследователей, придерживающихся господствующих "взглядов" (Вернадский, 2002. С. 73). И хотя наука ищет общее, закономерное, массовое, самое интересное в ней самой, на наш взгляд, то как раз то, что отличается "лица необщим выраженьем", что ново спорно, порой неожиданно. Это и присуще рассмотренным подходам, независимо от того, какому критическому разбору мы их подвергаем.

Вторая черта, объединяющая анализируемые подходы, - их нацеленность на макроуровень, на то, что в социологии называется социетальностью. Во всех трех случаях объектом анализа служит экономика на макроуровне, хотя как предмет исследования она по-разному видится в рамках каждого из подходов. В случае метаисторического анализа, в схеме Ирины Владимировны Можайской, российская экономика рассматривается как особая, российская часть цивилизационного пространства, в котором действуют закономерности развертывания присущей России цивилизационной идеи, определяющие динамику всей метаистории. При социокультурном подходе Александра Самуиловича Ахиезера и Николая Ивановича Лапина экономика предстает как общественная сфера, развитие которой определяется не столько абстрактными экономическими законами, сколько присущими социуму типами общественных ценностей, и она подчиняется логике их становления и "борьбы". Взаимодействие этих ценностей определяет перспективы и пределы экономических преобразований. В эволюционном подходе, как его применяют Сергей Юрьевич Глазьев и Владимир Иванович Маевский, экономика предстает в своей отраслевой, продуктовой размерности, как циклически развивающийся охватывающий все народное хозяйство "технологический способ производства", имеющий внутреннюю, постоянно совершенствующуюся структуру и механизмы своего воспроизводства. Во всех случаях речь идет о макропроцессах, характеризующих экономическую систему в целом, а не об отдельных социально-экономических явлениях, группах или организациях.

Наконец, третья общая черта, которая характерна для всех авторов, - это ориентация на связь теоретических построений с реальными проблемами России, к которым все мы неравнодушны. Практика выступает конечной целью всех этих исследований, и с каких бы теоретических абстракций не начинались авторские рассуждения, они заканчиваются приложением - пусть и не всегда бесспорным -

полученных результатов к анализу исторических и текущих процессов хозяйственной жизни страны.

Вместе со всеми нами авторы рассмотренных концепций столкнулись с вызовом современного этапа развития российского общества. Он характеризуется и масштабным преобразованием экономических структур, и теоретическим вакуумом, что не позволяет в долж-

- 30 -

ной мере осмыслить такие грандиозные преобразования. Понимание этого российскими учеными, оказавшимися Божьей волею "в гуще событий", несомненно, порождает стремления к новым теоретическим поискам. И эти поиски, на наш взгляд, часто приводят исследователей, в том числе и тех, чьи работы рассмотрены в данной главе, к признанию необходимости применения институционального подхода и институциональных теорий для познания российской экономики. Именно институциональные концепции, как представляются, способны дать необходимое понимание в анализе отечественного хозяйственного организма и присущих ему закономерностей.